

История России: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1917 ГОДА

УДК 94(470-25)''15''(093)
DOI 10.25688/20-76-9105.2021.41.1.01

А. А. Дружинин

Эволюция властных отношений в Московском государстве в укрепленных грамотах конца XV – первой четверти XVI века

В статье рассматривается наметившееся в XV веке в Московском государстве изменение восприятия великокняжеской власти, отраженное в укрепленных и присяжных грамотах. В результате исследования было выявлено, что процесс перехода от вассальных отношений к подданническим, затронувший все общественные слои, начинался в первую очередь с «закрепления» за великим князем людей знатных уже потом продолжился закрепощением крестьян.

Ключевые слова: укрепленные грамоты; присяжные грамоты; крестоцеловальные записи; подданство.

В XV веке в процессе становления Московского государства появляется новый вид клятвы, известный в отечественной науке как крестоцеловальная запись, или укрепленная грамота. Автор статьи разделяет мнение исследователя И. Г. Пономаревой о том, что название «крестоцеловальная запись» неудачно и не отражает всей сути этого документа [8: с. 64]. Целованием креста в Средние века и в раннем Новом времени сопровождалось подавляющее большинство клятв и договоров, но в данном случае мы имеем дело с документом, имеющим отличную от прочих клятв структуру, отмеченную еще Л. В. Черепниным, — наличие отпуска вины и вассальной присяги [12: с. 297]. Помимо этого, крайне важным отличием укрепленных грамот является отсутствие в них договорной основы, характерной для грамот, регулирующих отношения между князьями (зачастую двойных, обоюдных) и содержащих взаимные обязательства [9: с. 35, 44, 46, 49 и след.]. Договорные грамоты регулируют отношения вассальной зависимости, где великий князь по отношению к князьям удельным — первый среди равных. Укрепленные же грамоты отражают изменения во взглядах на природу власти великого князя

и содержат, как уже упоминалось, безусловную одностороннюю присягу последнему.

Наряду с укрепленными грамотами, содержащими отпуск вины (прощение за проступок, преступление по отношению к князю) по «печалованию», т. е. по поручительству представителей духовенства, есть схожие документы, содержащие одностороннюю клятву великому князю, но не подразумевающие наличия вины, — эти грамоты являются, по сути своей, присягой (И. Г. Пономарёва предлагает именовать их присяжными грамотами [8: с. 65]). В отношении укрепленных и присяжных грамот можно также встретить термин «проклятые», поскольку вышеозначенные документы содержат проклятия в адрес приносящего присягу в случае ее нарушения. Подробно вопросы развития формуляра крестоцеловальных записей всего периода Московского царства рассмотрены в статье А. Ю. Челноковой [11]. Помимо заступничества со стороны священнослужителей для прекращения опалы требовалось ручательство со стороны представителей государева двора, которые в случае неисполнения присяги выплачивали за нарушителя весьма крупный штраф. Гипотетически такая порука могла способствовать формированию дворянского сословия по западноевропейскому образцу — как структуры автономной от власти государя, — однако дальнейшее формирование дворянского сословия в этом направлении, по мнению Б. Н. Флори, не могло состояться в силу проводимой политики Ивана IV и ряда других объективных причин [10: с. 413].

Самая ранняя из дошедших до нас укрепительных грамот, составленная в 1474 году, принадлежит Даниилу Дмитриевичу Холмскому — служилому князю, одному из талантливейших воевод Московского государства своего времени. В чем именно заключалась его вина перед Иваном III, доподлинно неизвестно. Как правило, исследователи предполагают, что воевода либо готовился отъехать на службу в Литву (или были подозрения о такой готовности) [6: с. 8], либо был оклеветан завистниками [2: с. 165]. С точки зрения Д. М. Володихина, опала была наложена в силу превышения полномочий Холмского при заключении мира между Псковом и ливонскими немцами, где князь выступал в качестве дипломата [3: с. 27]. Ему же принадлежит версия о том, что полководец был обвинен в растрате, основанная на том, что вина имеет материальное выражение — 2000 рублей, выплаченные за Холмского восемь поручителями. Однако исследователь и сам считает эту версию малоубедительной [3: с. 27–28]. И действительно, поручная запись, прилагающаяся к укрепительной грамоте Д. Д. Холмского, не предполагает компенсацию каких-либо растрат. Это пример круговой поруки: восемь бояр, в числе которых был И. Н. Воронцов, ручаются за воеводу, обещая внести в казну каждый по 250 рублей в случае нарушения им своей клятвы [9: с. 250]. Подобная практика имела широкое хождение в Московском государстве конца XV–XVI веков: большую часть укрепительных грамот сопровождают поручные записи, где члены государева двора ручаются за опального крупными суммами денег, а порой и своими головами.

Грамота начинается словами: «Се язъ Князь Данило Дмитриевич Холмски, что есмь билъ челомъ своему Господину и Осподарю Великому Князю Ивану Васильевичу...» [9: с. 249]. В приведенном документе пока отсутствует ставшая впоследствии обязательной при обращении к великому князю и царю пейоративная форма имени: Холмский пишет полностью свое имя, не опуская титул (замалчивание титула в грамотах к государю также довольно распространено в более позднее время). Слово «господин» в данном случае всего лишь уважительное обращение к сюзерену, «обращение... по отношению к князю со стороны людей более низкого статуса» [4: с. 86], а титул «осподарь» берут на вооружение великие князья московские примерно в середине XV века, по всей видимости заимствуя его у западных соседей — великих князей Великого княжества Литовского и Русского. Однако, как отмечает А. Л. Юрганов, ссылаясь на исследования А. Л. Хорошкевич, полномочия «осподаря» московского были гораздо шире, чем у его литовского коллеги: первый имел право переселять крестьян из одного владения в другое [13: с. 180].

Далее приведен список представителей духовенства, «печалующихся» за опального. За списком следует формулировка отпуска вины: «...и Осподарь мой Князь Велики меня своего слугу пожаловаль, нелюбие свое мнѣ отдалъ» [9: с. 249]. Князь Холмский обязуется служить «осподарю» и его детям до самой смерти, не уезжать на службу к другому господину, «хотеть великому князю и его детям добра и не замышлять зла». Если воевода узнает о том, что кто-либо замышляет против «осподаря» или его детей недоброе или, наоборот, может принести пользу, он обязуется немедленно об этом сообщить. В случае нарушения клятвы опального князя должна ожидать «немилость Божья, Богоматери и всех святых». Великий князь же волен тогда казнить клятвопреступника [9: с. 249].

К грамоте прилагается уже упомянутая поручная запись, содержащая, помимо ручательства и суммы, которые ручающиеся должны уплатить в казну в случае нарушения клятвы, краткое обязательство в третьем лице: князь Даниил Дмитриевич Холмский должен служить великому князю до смерти без права отъезда к другому господину [9: с. 250].

Следующая дошедшая до нас укрепленная грамота, несмотря на структурное сходство с предыдущей, имеет существенное отличие. Она была составлена в 1506 году от имени князя Константина Ивановича Острожского, бывшего великим гетманом литовским в 1500 году, когда в битве у р. Ведроши объединенная армия Великого княжества Литовского и Королевства Польского была разбита русским войском под командованием Даниила Щени, а сам гетман Острожский попал в плен [7: с. 100]. Иван III Васильевич, желая видеть талантливого полководца на своей службе, вероятно, действовал сначала уговорами, но гетман оставался непреклонен. Лишь годы спустя, уже в правление Василия III Ивановича «князь московский... неволею тяжкою до присяги и вѣрности примусил...» [7: с. 100].

Грамота начинается теми же словами, что и документ Холмского за одним исключением: великий князь Василий Иванович именуется здесь государем [9: с. 403] — титулом, в отличие от переходного «осподарь», окончательно утверждающим власть великого князя во всей ее полноте. По мнению А. Л. Юрганова, этот титул «применялся как синоним будущего “хозяин”... соответственно холоповладелец был государем своих холопов, тем самым появление государя на троне автоматически превращало в холопов всех, кто титуловал великого князя государем» [13: с. 183]. Тем не менее князь Острожский, равно как и Д. Холмский в предыдущей грамоте, все еще именует себя слугой, а не холопом. В остальном укрепленная грамота К. И. Острожского почти дословно повторяет предыдущую, включая в том числе запрет отъезда.

В 1522 году укрепленная грамота также на имя «Государя Великого Князя Василья Ивановича всеа Руси» составлена от имени князя Василия Васильевича Шуйского [9: с. 414]. Василий Немой Шуйский в 1521 году нес службу, будучи одним из воевод на восточной границе русского государства, когда крымский хан Мухаммед-Гирей разбил московское войско, воспользовавшись несогласием в командовании. По версии Г. В. Абрамовича, опытные воеводы (В. Шуйский, И. Воротынский, М. Щенятев) не хотели подчиниться молодому и неопытному князю Д. Бельскому [1: с. 75–76]. Это первая из дошедших до нас укрепленных грамот, где опальный князь называет себя холопом, что впоследствии стало обязательной формой обращения вкупе с пейоративной формой имени или замалчиванием титула. Происхождение термина «холоп», ставшее обязательным по отношению к государю с конца XV века, объясняется исследователями по-разному. Так, А. Л. Юрганов трактует его как перенос отношений между рабом и господином на отношения между вассалом и государем [13: с. 184]. С точки зрения А. А. Горского, употребление этого термина восходит к ордынской политической практике: холоп — лицо, зависящее от хана, аналог монгольского «богол» [5: с. 329].

В остальном грамота В. В. Шуйского схожа с двумя предыдущими с одним отличием — князь клянется не отъезжать «изъ ихъ земли в Литву, также ми и къ его братье ни инуды никуды не отъѣхати и до своего живота» [9: с. 414]. В предыдущих грамотах не упоминалось Литовское княжество: их составители просто клялись не отъезжать ни к кому. Такая конкретизация вполне объяснима: на фоне острого противостояния Московского государства и Великого княжества Литовского случаев перехода из последнего на службу к московскому государю было немало, равно как и бегства служилых людей государевых в Литву. В случае с князем Острожским не помогла и «проклятая» грамота: через год после принесения присяги бывший гетман бежал на родину.

Таким образом, в первых из дошедших до нас укрепленных грамотах можно выявить как ряд существенных различий, так и, несомненно, важные сходства. Анализируя первые, можно констатировать, что в период с конца второй четверти XV века по конец первой четверти XVI века происходит

трансформация представлений о верховной власти в Московском государстве, сакрализация фигуры великого князя, что отражено в наделении его титулом «государь», подразумевающим нераздельную и абсолютную власть над подданными, в свою очередь именуемыми теперь холопами. Как «постепенное утверждение представления о царском достоинстве великого князя московского» [5: с. 321] характеризует этот процесс А. А. Горский. Иначе говоря, происходит переход от отношений «князь – дружинники» к отношениям «правитель – подданные». Любопытно, что знатные люди, переходящие на службу к князю московскому из-за границы, холопами себя не именуют: помимо уже упомянутой грамоты К. И. Острожского, это подтверждают присяжные грамоты Ф. М. Мстиславского [9: с. 433], также перешедшего на службу к князю из Великого княжества Литовского, и казанского царевича Петра Ибрагимовича [9: с. 401]. Кроме того, не именуют себя холопами члены рода Калитичей [9: с. 451, 460, 462, 465].

Объединяет укрепленные грамоты наличие в каждой из них запрета на отъезд присягающего на службу к иному господину. Бояре таким образом «закрепляются» за государем, и закрепление это находит юридическое оформление именно в укрепленных грамотах, что свидетельствует о замене отношений вассальных отношениями подданства. Примечательно, что «закрепление» знати за великим князем юридически оформляется раньше, чем официальное закрепление крестьян за землевладельцами, оформленное в Судебнике 1497 года.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что укрепленные грамоты конца XV – первой четверти XVI века отражают процесс перехода от отношений вассальных к отношениям подданным, причем изменения в структуре властных отношений происходят вертикально сверху вниз, начиная со знати, и уже после, как следствие давления на знать, дабы его компенсировать и гарантировать верность службы, начинается юридически оформленный процесс закрепления крестьян за своими владельцами.

Литература

1. Абрамович Г. В. Князья Шуйские и российский трон. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1991. 192 с.
2. Волков В. А. Иван III. Непобедимый государь. М.: Ломоносовъ, 2018. 216 с.
3. Володихин Д. М. Полководцы Московского царства. М.: Молодая гвардия, 2020. 352 с.
4. Горский А. А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник / РАН, Ин-т российской истории. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 416 с.
5. Горский А. А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры. 2004. 392 с.
6. Меркулов И. В., Штыков Н. В. Князья Холмские в системе политической элиты русского государства в конце XV–XVI вв. // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. Т. 18. № 6. С. 7–10.

7. Полное собрание русских летописей. Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного / отв. ред. Б. Н. Рыбаков; сост. и ред. тома Н. Н. Улащик. М.: Наука, 1975. 234 с.
8. Пономарёва И. Г. О происхождении московских «укрепленных» грамот // Археографический ежегодник / [отв. ред. С. М. Каштанов]; Ин-т славяноведения РАН; Археограф комис. РАН; Фед. архив. агентство. М.: Наука, 2012. С. 64–75.
9. Собрание государственных грамот и договоров. Т. 1. М.: Тип. Н. С. Всеволожского, 1813. 533 с.
10. Флоря Б. Н. Иван Грозный. М.: Академический проект, 2019. 421 с.
11. Челнокова А. Ю. Развитие формуляра крестоцеловальных записей конца XV – конца XVII века // Текст, контекст, интертекст: сб. науч. статей по мат-лам Междунар. науч. конф. / отв. ред. И. А. Бирич, М. Н. Николаева. М.: МГПУ, 2014. С. 125–131.
12. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 429 с.
13. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 268 с.

Literatura

1. Abramovich G. V. Knyaz`ya Shujskie i rossijskij tron. L.: Izd-vo Leningr. gos-un-ta, 1991. 192 s.
2. Volkov V. A. Ivan III. Nepobedimyj gosudar`. M.: Lomonosov`, 2018. 216 s.
3. Volodixin D. M. Polkovodczy` Moskovskogo czarstva. M.: Molodaya gvardiya, 2020. 352 s.
4. Gorskij A. A. Russkoe srednevekovoe obshhestvo: istoriko-terminologicheskij spravochnik / RAN, In-t rossijskoj istorii. SPb.: Izd-vo Olega Aby`shko, 2019. 416 s.
5. Gorskij A. A. Rus`: ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo czarstva. M.: Yazyki slavyanskoy kul`tury`. 2004. 392 s.
6. Merkulov I. V., Shty`kov N. V. Knyaz`ya Xolmskie v sisteme politicheskoy e`lity` russkogo gosudarstva v konce XV–XVI vv. // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. 2016. T. 18. № 6. S. 7–10.
7. Polnoe sobranie russkix letopisej. T. 32. Xroniki: Litovskaya i Zhmojtskaya, i By`hovca. Letopisi: Barkulabovskaya, Averk i Pancyrnogo / отв. ред. Б. Н. Рыбаков; сост. и ред. тома Н. Н. Улащик. М.: Наука, 1975. 234 с.
8. Ponomaryova I. G. O proisxozhdenii moskovskix «ukreplenny`x» gramot // Arxeograficheskij ezhegodnik / [отв. ред. С. М. Каштанов]; In-t slavyanovedeniya RAN; Arxeograf komis. RAN; Fed. arxiv. agentstvo. M.: Nauka, 2012. S. 64–75.
9. Sobranie gosudarstvenny`x gramot i dogovorov. T. 1. M.: Tip. N. S. Vsevolozhskogo, 1813. 533 s.
10. Florya B. N. Ivan Grozny`j. M.: Akademicheskij proekt, 2019. 421 s.
11. Chelnokova A. Yu. Razvitie formulyara krestoceloval`ny`x zapisej koncza XV – koncza XVII veka // Текст, контекст, интертекст: сб. науч. статей по мат-лам Mezhdunar. науч. конф. / отв. ред. И. А. Бирич, М. Н. Николаева. М.: МГПУ, 2014. С. 125–131.
12. Cherepnin L. V. Russkie feodal`ny`e arxivy` XIV–XV vv. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1951. 429 s.
13. Yurganov A. L. Kategorii russkoj srednevekovoj kul`tury`. SPb.: Centr gumanitarny`x iniciativ, 2018. 268 s.

A. A. Druzhinin

The Evolution of Power Relations in the Muscovite State in the Fortified Charters of the Late 15th – First Quarter of the 16th Centuries

The article examines the change in the perception of the grand princely power, which was outlined in the XVth century in the Moscow state, reflected in the fortified and sworn charters. As a result of the study, it was revealed that the process of transition from vassal relations to subject relations, which affected all social strata, began first of all with the «fixing» of noble people to the Grand Duke, and only then continued with the enslavement of the peasants.

Keywords: fortified charters; sworn charters; crosskissing notes; citizenship.